

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Тумаков А. И Период Маньчжурского правления в истории Китая // **Методичний вісник історичного факультету № 2.** – Харків: Консум, 2003. – С. 64 – 73.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

А.И. Тумаков

ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ КИТАЯ

(О некоторых новых подходах к проблеме)

В 1644 году Пекин был захвачен маньчжурами, а императорский престол оказался в руках маньчжурской династии Цин, пребывавшей у власти на протяжении последующих 268 лет. Таким образом, эпоха правления цинской династии (1644–1912 гг.) хронологически почти целиком перекрывает весь период Нового времени в истории Китая^{*} и поэтому занимает одно из центральных мест в учебных курсах по новой истории Востока.

Историографическая судьба династии Цин сложна и весьма противоречива. Обращаясь к данной проблеме, санкт-петербургский востоковед Б.Г.Доронин совершенно справедливо отметил мощное давление политической конъюнктуры, которое постоянно испытывали отечественные исследователи. Это объяснялось тем, что в начале XX века китайские революционеры развернули широкую антиманьчжурскую пропаганду, результатом которой стало прочно утвердившееся представление о династии Цин как режиме, узурпировавшем власть и установившем в Китае диктатуру маньчжуров¹. Эти методологические установки, далеко не бесспорные, были полностью восприняты историками СССР и оказали большое воздействие на последующее развитие отечественной историографии. В советской исторической литературе, равно как и в исследованиях историков КНР 50–70-х годов XX века, время правления цинской династии традиционно характеризовалось однозначно негативно — его называли

* В соответствии с отечественной историографической традицией период Нового времени исчисляется (правда, с некоторыми, по существу, вариациями относительно его нижней и верхней хронологических границ) с XVII до начала XX века. Официально же историография КНР определяет границы новой истории Китая иначе: с 1840 года, т.е. с начала первой Опиумной войны, до 1919 года (См., например: Энциклопедия нового Китая: Пер. с англ. — Прогресс, 1989. — С. 50–60).

¹ Доронин Б.Г. Историографическая судьба империи Цин // Научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (6–7 апреля 1999 г., Санкт-Петербург) // www.orient.pu.ru/conferences/april1999/

периодом застоя и упадка, нещадного национального угнетения китайцев завоевателями-маньчжурами. Вполне естественно, подобный подход нашел свое отражение и на страницах учебных изданий по новой истории Востока, вышедших в советский период². К сожалению, он же характерен и для некоторых учебных пособий, изданных в Украине в последнее время³. Вместе с тем, еще с 1980-х годов предпринимались попытки концептуального переосмысления узловых проблем новой истории Китая, активизировавшиеся в условиях начавшейся в «перестроечный» период деидеологизации исторической науки⁴. В современной ориенталистике постепенно определяются новые подходы как к изучению важнейших явлений и событий этой эпохи, так и к оценке места и роли династии Цин в китайской истории. О некоторых из этих подходов и пойдет речь в данной статье.

Заслуживает внимания сам феномен завоевания Китая маленьким народом, каковым, собственно, были маньчжуры (накануне вторжения численность не превышала 600–700 тысяч человек), которые, к тому же, существенно отставали от китайцев в своем общественном развитии. В связи с этим представляет интерес мнение Фердинанда Броделя, который призвал пересмотреть «миф о силе варваров» и высказал мысль о том, что «всякий раз, когда варвар одерживает верх, случается оттого, что он более чем наполовину цивилизовался»⁵.

См., например: История стран Азии и Африки в новое время. — М.: Изд-во МГУ, 1971; Бродский Р.М., Енольский З.А. Нова історія країн Азії та Африки: Період домонополістичного капіталізму (1642–1870). — К.: Вища школа, 1979; Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. — 3-е изд. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982; История стран Азии и Африки в новое время: В 2-х ч. — М.: Изд-во МГУ, 1989–1991 и др.

Кириченко В.П. Нова історія країн Азії, Африки та Латинської Америки: Навчальний посібник. — К.: Либідь, 2002. — С. 35–38; 132–134; 137.

В этой связи, пожалуй, наибольшего внимания заслуживают материалы систематических проводимых конференций «Общество и государство в Китае», а также учебник по истории Китая, изданный группой ведущих российских синологов (История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002).

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. I: Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — С. 109

Этот тезис французского исследователя неплохо подкрепляет «китайским» материалом. К началу своего вторжения в Китай маньчжуры основательно познакомились с основами китайской цивилизации и многое из нее позаимствовали (в первую очередь некоторые важнейшие принципы государственного управления, в том числе, экзаменационную систему — источник управленческих кадров)⁶. В дальнейшем именно это позволило им — «горстке воинов среди безбрежного моря китайских подданных», по образному выражению С.П. Фицджеральда, относительно легко завоевать многомиллионную страну и надолго поставить ее под свой эффективный контроль.

Да и само объяснение внезапного появления маньчжурских воинов в Северном Китае, традиционное для учебных изданий советского периода, нуждается в корректировке. Несомненно, печальную участь династии Мин (1368–1644 гг.) предредила крестьянская война, бушевавшая с конца 20-х годов XVII века. Ведь, в конечном счете дело дошло до того, что в апреле 1644 г. повстанцы вступили в Пекин, а их предводитель провозгласил себя императором Китая (находившийся на престоле «сын Неба» из династии Мин покончил жизнь самоубийством). Но насколько справедлива трактовка последующих событий, характерная для учебной и научной популярной литературы советского периода? В обобщенном виде она выглядит так: не сумев самостоятельно подавить победоносную крестьянскую войну, китайские феодалы пошли на прямую измену собственному народу — обратились за помощью к маньчжурам.

Вполне очевидно, что в основе приведенной выше точки зрения лежит явно выраженный классовый подход. Попробуем взглянуть на те далекие события, отрешившись от традиционных стереотипов. Ведь что, собственно, происходило в Китае? Грандиозное по своим масштабам восстание социальных низов вызвало полную дезорганизацию общества, анархию, кровавый произвол, от которого страдало все население, вне зависимости от его места в традиционной китайской иерархической структуре.

⁶ Подробнее см.: Кычанов Е.И. Абахай. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 130–134.

⁷ См., например: Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. — 3-е изд. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — С. 159. История Китая с древнейших времен до наших дней. — М.: ГИИ, 1974. — С. 159.

пору к северу и югу от Большой реки везде бесчинствовали разбойники, — сообщает писатель XVII века. — Встретят женщину — оквернят, увидят младенца — убьют. Случалось и хуже. Убьют женщину на сносях, извлекут у нее из нутра жир, приготовят особый состав и пропитывают факелы... Вот почему девять из десяти женщин предпочитали избавиться от плода, чтобы не погибнуть от рук злодеев. Во многих семьях новорожденных топили в реке, чтобы они не достались разбойникам»⁸. И центральная власть утратила контроль над ситуацией. Само Государство — фундаментальная основа конфуцианской цивилизации — рушилось! В отчаяние ли подтолкнуло представителей военной верхушки в целях спасения Поднебесной прибегнуть к использованию внешней силы», пусть даже агрессивной, но, по их мнению, более прогнозируемой», а поэтому — менее опасной?

Современные исследователи совершенно справедливо отмечают это одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что смена власти в Пекине в 1644 г. и появление на престоле т.н. «крестьянского» императора, в принципе, не противоречила политической практике Китая, в основе которой лежала доктрина «Мандата Неба»⁹ (вспомним, что павшая династия Мин в свое время была основана предводителем антимонгольского восстания Чжу Юаньчжаном, выходцем из крестьян). Поэтому некоторые историки, апеллируя к китайским источникам XVII века, склонны списывать появление маньчжурской конницы в пределах Китая на случайную роль, которую сыграли мотивы сугубо личного характера: возникшая неприязнь между двумя главными историческими персонажами того времени — новоявленным императором Ли Цзунчэном и командующим крупнейшей правительственной армией Саньгуем, олицетворявшими прежний режим. И именно это не

Ли Юй. Двенадцать башен: Повести / Пер. с кит. Д Воскресенского. — М.: Художественная литература, 1985. — С. 268.

Подробнее см.: Гончаров С.Н. Доктрина государственной власти и политическая практика в средневековом Китае // Народы Азии и Африки. — 1985. — № 1. — С. 40–53; Мартынов А.С. Доктрина императорской власти и ее место в официальной идеологии императорского Китая // Всемирная история и Восток: Сб. статей. — М.: Наука, 1989. — С. 86–104; Ланьков А. «Мандат Неба» или легитимность по-китайски: Удача как моральное оправдание // www.russ.ru/politics/200200701-lan.html

позволило им договориться. В итоге, У Саньгуй прервав начавшиеся было переговоры и, решив наказать самозванного императора, обратился за помощью к маньчжурам, впустив их Великую китайскую стену¹⁰.

Несомненно, маньчжурское вторжение принесло китайскому народу много бед. По свидетельству китайских источников численность населения сократилось на несколько десятков миллионов человек (американский исследователь Д.Х. Перкинс утверждает, что с 1600 по 1650 год в результате внутренних смут и крестьянской войны и ее подавления чужеземными захватчиками погибло около 35 миллионов китайцев¹¹). Большой ущерб был нанесен экономике страны.

Но после маньчжурского завоевания начался процесс социального синтеза — процесс создания нового общества и государства. В этой связи примечательно, что маньчжуры никогда не противопоставляли себя китайцам (был даже провозглашен лозунг: «Маньчжуры и китайцы одно целое и между ними отсутствует неравенство»). Маньчжурские императоры старались быть ревностными конфуцианцами и управляли, следуя советам конфуцианских ученых. Была сохранена прежняя административная система, чиновники, присягнувшие новой династии, остались на своих местах. Таким образом, покорив Китай, маньчжуры воссоздали сильное государство на прежней традиционной для конфуцианского мира основе. Поэтому завоевание не прервало естественного процесса преемственности в развитии китайской цивилизации. И, в связи с этим, едва ли можно согласиться с утверждением В.А. Рубеля, автора единственного в Украине учебника по истории средневекового Востока, о том, что после захвата маньчжурами императорской

¹⁰ См., например: Васильев Л.С. История Востока. — Т. 1. — М.: Высшая школа, 1998. — С. 386–387; Рубель В.А. История середньовіччя Сходу: Курс лекцій. — Київ: Либідь, 1997. — С. 69–70. Историки ради следует заметить, что для западной литературы подобная трактовка событий не нова; в частности, в конце 30-х годов XX века придерживался С.П. Фицджеральд (См.: Фицджеральд С.П. Краткая история культуры / Пер. с англ. — М.: Евразия, 1998).

¹¹ Цит. по: Новая история стран Азии и Африки: исследование и преподавание (в связи с третьим изданием учебника для вузов): [Обновление] // Народы Азии и Африки. — 1985. — № 1. — С. 151.

престола в Пекине Китай «на 268 лет утратил свою национальную государственность»¹².

С возрождением сильной центральной власти на целое столетие в стране установилась политическая стабильность. Прекратились внутренние смуты; вплоть до конца XVIII в. не было крупных народных восстаний. Отчасти это объяснялось и тем, что новый режим провел аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения, отменил наиболее тяжелые подати, существовавшие в последние десятилетия правления династии Мин. Так, в 1713 г. был издан императорский указ о поземельном налоге: отныне его ставка становилась неизменной, что на практике означало ограничение налоговых платежей¹³. Кстати, в современной востоковедной литературе эту акцию маньчжурских властей считают одной из причин бурного роста народонаселения. В XVIII в. Китай пережил стоящий демографический взрыв, который не имел аналогов в шестнадцатой истории страны: если в конце XVII в. численность населения Китая не превышала 100 миллионов человек, то к концу XVIII в. оно достигло 300 миллионов, а к середине XIX в. — 400 миллионов человек¹⁴. Как эти данные, недооцененные в исторической науке, соотносятся с традиционным для советской историографии утверждением о жестоком национальном угнетении китайцев маньчжурами?

Явно нуждается в переосмыслении и оценка политики китайского двора в отношении сопредельных территорий в XVII—XVIII веках. Добившись внутривластной стабильности, маньчжуры начали завоевательные походы против соседних народов. Тем самым они надежно защитили Китай от угрозы извне широкой полосой собственной экспансии, которая оказалась необычайно успешной. Маньчжурам удалось преобразовать и поставить под свой контроль «степь», откуда исходила извечная опасность для Китая. Так, усилиями маньчжурских правителей в начале XVII в. была завоевана Внутренняя Монголия, которая после захвата ими китайского престола, стала частью Цинской империи. В конце XVII в. была присоединена Северная Монголия (Калмыкия). Русские были вытеснены из Приамурья, что было

¹² Гель В.А. История середньовічного Сходу. — С. 70.

¹³ История Китая. — С. 267.

¹⁴ Там же. — С. 268.

зафиксировано Нерчинским договором 1689 года. К 1759 г. состав империи вошли Кашгария и Джунгария (позднее образовали провинцию Синьцзян). К концу XVIII в. политическую зависимость от Китая попал и Тибет.

В результате на рубеже XVIII–XIX веков в Восточной Центральной Азии возникло новое, колоссальное по своим площадям, геополитическое пространство, которое контролировалось Цинской державой. По мнению Дж. Флетчера (Гарвардский университет), своей завоевательной политикой маньчжуры выполнили важную историческую миссию: добились не просто «расширения срединного Китая», а фактического превращения в империю¹⁵. Сюзеренитет Китая признали Корея, Непал, Бирма, Сиам (Таиланд), Аннам (Центральный Вьетнам). По сути дела в начале XIX в. усилиями маньчжуров был восстановлен «Pax Sinica» — «китайский миропорядок», — китаецентристская система международных отношений, традиционно характерная для Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Следует ли ставить в вину новому режиму агрессивность внешнеполитического курса? Ведь упомянутые завоевательные походы проводились в строгом соответствии с прежней традиционной доктриной — «не иметь общей границы с сильным государством», — и были направлены на то, чтобы надежно защитить «срединный Китай» буферными зонами, чего, в конечном итоге, удалось добиться. После этого войны прекратились.

Едва ли следует упрекать маньчжурскую династию, как это нередко делается в учебной литературе, и в навязывании Китаю «реакционной системы изоляции от внешнего мира»¹⁶. Утвердившись на китайском престоле, цинские императоры полностью восприняли традиционную китайскую идеологию, которая лежала в основе внешнеполитической практики Китая: в первую очередь, идею «избранности» Китая («Поднебесная» — центр Вселенной, ее культура — самая совершенная в мире) и вытекающее отсюда пренебрежительное отношение к «варварской» периферии. Что же касается политики самоизоляции, то ее контуры обозначились гораздо раньше.

¹⁵ XVII век в Китае: последние открытия и концепции в области истории, литературы и социальных наук // Народы Азии и Африки — 1983. — № 2. — С. 138.

¹⁶ Кириченко В.П. Нова історія країн Азії, Африки та Латинської Америки. — С. 37.

Еще в 40-е годы XV века, т.е. при правлении династии Мин, китайское правительство начинает свертывать активную внешнеполитическую деятельность, что, по сути, сопровождалось закрытием страны. Так, в 1446 г. из Китая были высланы иноземные послы и одновременно прекратились экспедиции в дальние страны, в 1452 весь китайский флот был отозван к берегам родины и прекращено строительство крупнотоннажных кораблей¹⁷, был введен строгий запрет на приобретение иностранцами китайских исторических книг. Фактически же политика самоизоляции от внешнего мира начала осуществляться в XVI веке. Начало ей было положено в 1521 г. в ответ на агрессивные действия Португалии в юго-восточном побережье Китая (миссия португальского капитана Фернанду Переша ди Андраде и связанные с ней события), после чего официально были введены ограничения на деятельность европейских купцов — «людей с бородами и большими глазами»¹⁸. Поэтому не стоит считать маньчжурских правителей инициаторами нового внешнеполитического курса. Политика «закрытых дверей» досталась им в наследство от предшествовавшей династии. Более того, исходя из того фактического материала, которым оперировала советская историческая наука, вполне можно утверждать, что новая власть на первых порах даже, по сути дела, приостановила процесс самоизоляции. Так, в 1685 г., после подавления последних очагов сопротивления новому режиму и формализации внутривластной обстановки, иностранцам было позволено торговать в четырех китайских портах. В 1720 г. в Манчжоу была основана специальная купеческая корпорация «Хан» («Кохонг»), получившая монопольное право на морскую торговлю. В ее деятельности принимало участие и центральное правительство, получавшее доход от взимания пошлин. Подобная компания была создана и в провинции Чжецзян, где находился единственный открытый для иностранцев порт Нинбо¹⁹. Там проживали иностранцы и в самом Пекине. С 1601 г. там существовала христианская миссия, основанная иезуитом Матео Риччи (1552–1610). В конце XVII в., уже при маньчжурском правлении, в

История Китая. — С. 259.

История Китая с древнейших времен до наших дней. — С. 149;

Александров А.А. Из истории португальского проникновения в Японию // Народы Азии и Африки. — 1984. — № 1. — С. 45.

Новая история Китая. — М.: Наука, 1972. — С. 48.

китайской столице была основана колония французских миссионеров иезуитов. В колонии образовался научный центр — «Математический трибунал», который располагал хорошо оснащенной обсерваторией, где проводились астрономические и метеорологические наблюдения. Иезуиты привлекались китайским правительством в качестве переводчиков на переговорах с иностранцами, в том числе, с русскими послами. Вероятно, они использовались маньчжурской верхушкой в качестве едва ли не единственного источника сведений о далекой Европе. «Китайский император нуждается в нас, — писал в своем отчете руководитель французской колонии, — из-за математического трибунала московитских дел, кроме того из-за инструментов, которые поступают к нам из Европы»²⁰. В начале XVIII в. свое неофициальное представительство в китайской столице удалось создать и россиянам: в 1715 в Пекине была основана Русская Духовная Миссия, просуществовавшая на протяжении почти двух с половиной столетий (1715–1954)²¹.

Курс на «закрытие дверей» окончательно возобладал лишь в середине XVIII века. В 1757 г. император Цзяньлун закрыл три из четырех ранее открытых для иностранцев портовых городов, ограничив морские связи лишь одним портом — Гуанчжоу. С этого времени и вплоть до 1842 г. (т.е. до окончания Опиумной войны и подписания Нанкинского договора) Китай осуществлял политику самоизоляции.

Примечательно, что в современной научной литературе курс на политику самоизоляции трактуется неоднозначно²². Наблюдается отход многих исследователей от прежней, категорически отрицательной, ее оценки. Не следует также забывать, что самоизоляция от внешнего мира в Новое время была характерна и для других стран Дальневосточного региона. Япония, в частности, была «закрыта» для Запада на протяжении трех столетий с 30-х годов XVII в. вплоть до середины 50-х годов XIX в. И в этой связи любопытно, что японские ученые придают э

²⁰ Цит. по: Цверева Г.К. Франко-русско-китайские научные связи XVIII века: [Письмо в редакцию] // Вопросы истории. — 1999. № 6. — С. 212.

²¹ Подробнее см.: История русской Духовной Миссии в Китае: 250 лет. — М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997.

²² Подробнее см.: Ипатова А.С. Политика «закрытых дверей» Китая: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история Востока: Сб. статей. — М.: Наука, 1989. — С. 246–250.

изоляции особое значение, называя ее «периодом консервации национального духа». Они считают, что в дальнейшем сработал «принцип раскручивающейся пружины», до сих пор ускоряющей развитие Японии²³. Может быть, стоит воздерживаться от однозначных оценок и в отношении китайской самоизоляции?

Среди прочих сюжетов, традиционных для исследований по новой истории Китая, следует назвать деятельность тайных обществ и сект. В советской литературе основной акцент делался на их изначальной антиманьчжурской направленности. В частности, утверждалось, что эти тайные организации возникали исключительно на почве сопротивления ханьцев маньчжурской династии, с исходной целью «свергнуть Цин, восстановить Мин». В современной же историографии подходы к этой проблеме существенно меняются. Так, в настоящее время многие исследователи склонны объяснять появление и деятельность тайных обществ причинами социально-экономического характера.

В первую очередь, по их мнению, сказались последствия небывалого демографического взрыва XVIII в., который создал резкую диспропорцию между приростом населения и расширением обрабатываемых площадей (увеличил «демографическую нагрузку» на землю), а также значительное ускорение темпов концентрации земельной собственности, что еще более обострило социальный дисбаланс в ряде районов страны²⁴. То есть, по первоначальному замыслу тайные общества были не антицинскими организациями, а объединениями обездоленных, в большинстве своем бездомных крестьян, для взаимопомощи²⁵. Антиманьчжурскую же направленность программа многих тайных обществ обрела позже, уже в XIX в., в условиях углублявшегося династийного кризиса.

Таким образом, в современном востоковедении идет процесс переосмысления многих весьма важных проблем истории Китая. Новые подходы, которые постепенно определяются в постсоветской синологии, нуждаются в тщательном изучении в учебных курсах по истории Востока.

Исторический опыт Японии: в чем специфика?: «Круглый стол» // Азия и Африка сегодня. — 1990. — № 10. — С. 29.

Эту точку зрения, основываясь на материалах, опубликованных в КНР в 1980-е годы, высказал Б.М. Новиков (Санкт-Петербургский университет). См.: Народы Азии и Африки. — 1990. — № 1. — С. 165; № 5. — С. 188.

Народы Азии и Африки. — 1990. — № 1. — С. 165.